

Чжао Хэн понимал, что больше не может оставаться во дворце с императором — иначе точно пожалеет. Его определили смотрителем в оружейный склад, и до того как он увидел это самое хранилище, всё его вполне устраивало. Годы скитаний отучили его соперничать с другими. Если чёрная работа на войне могла принести пользу, да ещё и не требовала рисковать жизнью, почему бы и нет? Распределили его в крепость — ту самую, которую он знал. Когда-то, возвращаясь с Чжао Цзюнем, они проезжали мимо небольшого городка неподалёку. Городок тот уже опустел — война заставила людей бежать с невероятной скоростью. Враги захватили эти места, но потом один из наших генералов отбил их обратно. Однако жителей здесь больше не осталось. Тогда они с Чжао Цзюнем обшарили всё вокруг перед уходом, и, по своему многолетнему опыту странствий, Чжао Хэн нашёл немало припрятанного зерна, которое другие не заметили. Именно благодаря тем запасам они и добрались до Столицы.

На месте же он осознал, что ошибался. В тылу людей оказалось так много, что его помощь была попросту не нужна. По императорскому указу чиновники должны были отправить сыновей в армию — на несколько лет, для закалки. Большинство не желало, чтобы отпрыски гибли на поле боя, потому и направляли их в тыл. Работа там, хоть и не самая почётная, но всё же лучше, чем смерть. Да и поступали так многие. Странная штука — когда что-то делают все, это быстро становится привычным. Чиновники, сплавившие отпрысков в тыл, частенько посмеивались над теми, кто отправлял сыновей на передовую.

Увидев, что в обозе собрались исключительно отпрыски знатных семей, Чжао Хэн тут же потерял всякий интерес. Война есть война, и хоть эти барчуки, возможно, и исполняли свои обязанности, кто знал, как они ведут себя втихаря — особенно с теми, кто пониже рангом. А он был здесь самым бесправным.

Чжао Хэн метался между страхом быть униженным и желанием выжить. Но когда он увидел в крепости двадцать тысяч воинов, готовых к бою, — с натянутыми луками, развевающимися знамёнами, под грохот боевых барабанов, — его вдруг осенило. Эта мощь, эта собранность покорили его. Он захотел остаться здесь.

Он взмолился командиру, чтобы тот взял его в строй, но командир получил приказ: оставить молодого господина при складе. Делать нечего — Чжао Хэн покорился. Боясь, что его начнут притеснять, он уже собирался было ретироваться, как вдруг прозвучал сигнал тревоги. Командир быстро бросил ему: «Побудь пока здесь, всё обсудим после». И умчался прочь.

Люди в оружейном складе засуетились, каждый был занят делом. Начальник, заметив, что Чжао Хэн один стоит без дела, крикнул ему сквозь шум:

— Эй, парень! Ты за каким оружием закреплён?

Чжао Хэн растерялся и крикнул в ответ:

— Я новенький, мне ничего не поручали!

— Тогда помоги тем, кто за арбалетами отвечает! — отрезал начальник.

Арбалетчиков было человек десять, все работали быстро и слаженно. Один из них бросил Чжао Хэну:

— Иди за нами, тащи эти стрелы на стену.

— А разве на стене своих нет? — спросил Чжао Хэн. — Как тогда воевать?

— Да перед твоим приходом только отбили атаку! — тот раздражённо махнул рукой. — Арбалеты новые, только доставили, мы их едва учли. Надо раздать бойцам, а тут такая напасть.

Чжао Хэн не стал перечить, поспешно взвалил тюки со стрелами и понёс на стену. Вражеский натиск был яростным, стрелы сыпались как снег. Но стена возвышалась над полем, и Чжао Хэн, благодаря своей ловкости, уворачивался от большинства. Разгрузив стрелы в установленном месте, он ринулся вниз. Мельком глянув за бойницу, он увидел внизу толпу воинов с мечами. Впереди них, словно живой щит, толкали безоружных беженцев. Десяток человек тащил огромное бревно, чтобы высадить ворота. Со стены лили кипящее масло, сыпали стрелы — внизу стоял сплошной вопль. И наверху тоже падали раненые. Сердце Чжао Хэна ёкнуло.

Он отступил и снова принялся таскать стрелы. Метался туда-сюда, лишь смутно отмечая, как ворота то распахиваются, то захлопываются. На обратном пути его сбил с ног чернолицый юноша. Тот быстро извинился, схватил длинный меч и умчался прочь.

Чжао Хэн не задержался, продолжил работу. Неизвестно сколько времени спустя битва наконец стихла.

Тот, с кем он таскал стрелы, горько вздохнул:

— Когда же этому конец?

— Должно быть, скоро, — ответил Чжао Хэн.

— Только так себя и утешать, — пробормотал тот. — Но теперь, после боя, работы прибавится. Раненых — тьма, лекари не справляются. На поле надо тела убрать, да и оружие посмотреть, что ещё годится. Всё это на тех, кто цел и невредим. Ты новенький — выбирай сам, куда идти.

С этими словами он удалился. Чжао Хэн увидел, как раненых несут в одну сторону, и пошёл следом. Лекари едва успевали. Один из них, заметив Чжао Хэна, рявкнул:

— Эй, парень, быстро — держи его!

Перед ним бился в муках человек со стрелой в плече. Чжао Хэн бросился, прижал его. Лекарь влил тому в глотку вина, одним движением выдернул стрелу и наложил повязку, после сразу перешёл к следующему. Чжао Хэн так и ходил за ним, помогая, до самой ночи. Когда работа наконец закончилась, лекарь вытер пот, окинул Чжао Хэна оценивающим взглядом.

— Неплохо, парень, силёнка у тебя есть, хорошо держал. Только вот выживут ли они — ночь покажет. Переживут — будет им счастье.

Чжао Хэн, до того молчавший, наконец спросил:

— Каждый раз столько гибнет и калечится?

— Ты думал, в куклы играем? — усмехнулся лекарь.

— Если столько народа гибнет — зачем тогда воевать?

Лекарь тяжело вздохнул:

— Это уж начальство решает. Нам же в этом мире только и остаётся — выживать.

Тут подошёл другой воин, спросил, сколько из его отряда полегло. Лекарь махнул рукой:

— Все на южном склоне.

— Кого-нибудь узнал?

— Пойду, посмотрю.

Он обернулся к Чжао Хэну:

— Я с ним пройду, списки сверю. Ты свободен.

Вернувшись на склад, Чжао Хэн увидел груды окровавленного оружия. Люди сновали туда-сюда. Начальник, завидев его, тут же подозвал — Чжао Хэн с его примечательной внешностью сразу запомнился.

— Какой командир тебя привёл? — спросил начальник.

Чжао Хэн назвал имя. Тот на мгновение замер, потом произнёс:

— Соболезную. Он сегодня пал.

Чжао Хэн остолбенел, молча опустил голову.

— Ты сегодня первый день, — смягчив тон, сказал начальник. — Пока работы немного. Иди с этими двумя, присмотри за ранеными. Сменяться будете.

Чжао Хэн увидел двоих: одного из арбалетчиков и незнакомца. И тут он осознал — здесь все для него незнакомы.

Им втроём предстояло ухаживать за десятью ранеными. Двое объяснили, что к чему, и, убедившись, что Чжао Хэн понял, отправились спать, наказав разбудить, когда придёт время. Чжао Хэн выбился из сил — даже больше, чем от ношения стрел. Хоть он и был крепким, таскать тюки было делом привычным, а тут — десять человек, у которых то и дело поднимался жар. Он давал им снадобья, оставленные лекарем, без конца менял холодные компрессы. К полуночи пошёл будить следующего дежурного.

— Ладно, иди отдыхай, — тот протяжно зевнул. — Только скажи... а у тебя есть сердце другая?

Чжао Хэн хотел ответить, что за всю свою одинокую жизнь никого не встречал, но слова застряли в горле, будто сердце вдруг дрогнуло.

— Вот оно что, — дежурный усмехнулся. — Значит, есть.

Чжао Хэн промолчал, потом спросил:

— А тебе-то зачем?

— Да я тут уже сколько, а девицу ни разу не повстречал, — вздохнул тот. — Работа в тылу, конечно, безопасней, но если враг прорвётся — всем капут. Думал, с тобой сдружиться, а раз у тебя есть кто-то... Я человек принципиальный. Просто ты видный какой, другие точно начнут приставать. Не знаю, как именно, но будь осторожен. Эх, добряков вроде меня почти не осталось.

Чжао Хэн всё сразу понял, но подумал, что парень и вправду неплох.

— Ладно, — сказал он. — Буду звать тебя Добряком.

Тот скорчил гримасу:

— Только не это... Звучит, будто я дурак.

— Зато запоминается, — усмехнулся Чжао Хэн.

<http://bllate.org/book/16277/1465516>